

Русская литература, No 3, 2003
OCR Бычков М. Н.

* Z dejin rusko-ceskych literarnich vztahu: K. D. Balmont. Duse Ceskych zemi v slovech a cinech / Vydani, preklad, studie, komentaf Danube Ksicova. Masarykova univerzita. Brno, 2001. 339 s. (Из истории русско-чешских литературных отношений: Бальмонт К. Д. Душа Чехии в слове и в деле / Издание, перевод, статьи, комментарии Дануши Кшицовой. Университет имени Т. Г. Масарика. Брно, 2001. 339 с).

В истории русско-чешских литературных отношений открылась новая интересная глава. В одном из пражских архивов была найдена долгие годы считавшаяся исчезнувшей рукопись К. Д. Бальмонта "Душа Чехии в слове и в деле".¹ Сразу же к подготовке ее издания обратилась крупнейшая исследовательница чешско-русских литературных взаимосвязей профессор Дануше Кшицова, одна из организаторов Института славистики при Университете им. Масарика в Брно.

Своей книге "Душа Чехии в слове и в деле" К. Д. Бальмонт предпослал слова: "Посвящаю этот мой труд нескольких лет всем тем чехам, которые, строя новую Чехию, братски любят также истинный лик России", а обращаясь с письмом к К. Крамаржу в надежде на его помощь при ее издании, поэт благодарит чешского деятеля "за ту высокую радость, которую я всегда испытываю, читая в прессе ваши всегда верные слова о России и русских" (с. 48). Вообще о всех людях, которых он встречал в эмиграции, Бальмонт судил прежде всего по их отношению к России.

Книга Бальмонта составлена из размышлений поэта о чешском народе, его исторических судьбах, о чешских писателях-классиках и современных ему поэтах, которые произвели на него наибольшее впечатление, и бальмонтовских переводов их стихов.

Свое обращение к чешской поэзии Бальмонт объясняет глубокой духовной связью русских и чехов: "Между Россией и Чехией уже давно свершается еще всеми не увиденная, но уже ярко явственная духовная беседа. Ни у одного народа славянского не сказали столь многие поэты столько глубоких, пронзительных и прочувствованных слов о России" (с. 62).

Красной нитью через всю книгу "Душа Чехии" проходит мысль о необходимости взаимного познания славян и их единения. В первых же строках мы читаем: "Славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов. Об этом нужно глубоко сожалеть, и, во имя новых исторических путей, это равнодушие и эта рознь должны быть преодолены. Если б взаимосочувствием, взаимоприкосновением и взаимоподчинением великое царство славян внутренне сколько-нибудь объединилось, это была бы самая светлая на земле Духовная Держава. Возможно, что такой могучий рычаг нового развития человечества и возникнет" (с. 50).

Недостаток единства, как говорит Бальмонт, был причиной "судьбинной кары" -- многовекового ига, постигшего славян. Русский поэт надеется при этом, что "инстинктивное славянское благородство против наследственного вероломства врагов славянских в конце концов, однако хочется думать, победит. Такие светильники, как Ян Гус и Достоевский, Хельчицкий и Лев Толстой, Пушкин, Врхлицкий и Бржезина, суть дозорные духи лучших кладов человеческой души. Самое их возникновение в лоне славянства есть верное ручательство в действительном грядущем возникновении Нового Неба и Новой Земли" (с. 52).

Образ Яна Гуса как символа борьбы за правду неоднократно возникает в книге. Для поэта он -- "знак Славии -- наш дух -- воспламененный", как сказано в стихотворении "Слава славянам" самого Бальмонта (с. 52). "Имя Гуса -- святыня не только для чеха, но и для каждого славянина. Это -- факел, горящий всем нашим векам и говорящий изумительно о неистощимой, действенной силе жертвенности" (с. 146).

В своем вступлении Бальмонт прослеживает путь чешской поэзии от первого духовного гимна "Hospodine, pomiluj ny" (поэт подчеркивает, что "этот напев на целое столетие старше, чем самый старый молитвенный напев германцев") до современности. Из поэтов национального возрождения для него значимы и Коллар, и Челаковский, и Шафарик, но особенно дорог его душе Карел Гинек Маха: "Маха -- пленительное имя, означающее начальную весеннюю зарю чешской поэзии 19-го века. Современник Пушкина и, подобно Пушкину, создатель романтической повести "Цыганы", Маха означает рубеж. В его творчестве чешская поэзия начинает говорить языком таким благородным и таким напевным, что она становится вровень с любой поэзией в Европе" (с. 56). Мы знаем, что с момента появления поэмы "Май"